

М. К. ТРОФИМОВА

Из коптских герметических текстов (Nag Hammadi VI.6)

(посвящение в тайну дивинизации)

ЗАНИМАЯСЬ ВОПРОСОМ об отношении древнего гнозиса к проблеме человека, я обратилась к тексту, сохранившемуся на коптском языке и несомненно принадлежащему к числу герметических (в нем действует Гермес Трисмегист), — о посвящении в тайну дивинизации. Его перевод на русский и некоторые заметки о нем, а также соображения, непосредственно касающиеся интересующего меня вопроса, я решила предложить читателям сборника «Антропология культуры».

Итак, что же представляет собой этот текст? Он стал известным благодаря находке коптских рукописей близ Наг Хаммади в 1945 году. За собранием этих рукописей закрепилось название «гностицистская библиотека». Помимо собственно гностицистских текстов в нем оказались и такие, которые сами по себе гностицистскими не были. Тем не менее, по той или иной причине, они не воспринимаются как чуждые этому собранию. Так, в одном из кодексов (шестом, по принятой нумерации) кроме двух гностицистских текстов есть еще фрагмент «Государства» (588b — 589b) Платона, христианский апокриф, текст, названный в рукописи «Гром. Ум совершенный», происхождение которого не вполне ясное, а также три текста герметических.

Рукописи из Наг Хаммади изучались и переводились на новые языки, отчасти и на русский. Что касается герметических текстов, а именно двух из них, молитвы благодарения (NH.VI.63,33-65,7) и фрагмента «Асклепия» (NH.VI.65,15-78,43), они были давно известны по латинской версии «Асклепия». Кроме того, эта молитва сохранилась на греческом языке в магическом Папирусе Мимо¹, где говорится о восхождении к Солнцу. Третий же герметический текст, о котором речь идет ниже (NH.VI.52,1-63,32), оказался уникальным. Он включает в себе единственную (коптскую) версию не известного прежде произведения. Текст был переведен на западные языки, его не обошли вниманием исследователи герметизма (А. Ж. Фестьюжьер, К. В. Трегер и др.), обстоятельный труд посвятил ему проф. Ж.-П. Маэ².

Несколько слов о языке и времени текста. Дата папирусного кодекса, в котором он сохранился, колеблется между 340 и 370 гг. Текст написан на саидском диалекте (с примесью ахмимского и субахмимского) коптского языка. По ряду признаков с большой долей вероятности можно утверждать, что текст представляет собой перевод с греческого, сделанный в конце III в., оригинал же был выполнен не позже II—III вв.

Строка, в которой, видимо, было название (52,1), стерта. Приходится довольствоваться условным: «Огдоада и Эннеада». Текст представляет собой произведение, написанное в том жанре, в котором были составлены многие памятники круга гностических, а именно, диалога-откровения. Это беседа, в которой участвуют двое: наставник («отец»), Гермес Трисмегист, и ученик («сын»), имя которого не названо. Композиция произведения трехчастная: введение (52,2 — 55,5), основная часть (55,6 — 61,17) и эпилог (61,18 — 63,32).

Введение начинается с напоминания ученика его наставнику об обещании того ввести его ум в Огдоаду (восьмую сферу мироздания), а затем в Эннеаду (девятую сферу). Таков де «порядок предания». Гермес подтверждает это. Намечая сюжетную линию, автор использует здесь мотив исполнения обещания³. По существу, с первых же строк дает знать о себе тема трактата, которую можно сформулировать как посвящение в тайну дивинизации.

Беседа продолжается, во введении она похожа на школьные диалоги, где ученик в словесном общении с наставником приобретает некое теоретическое знание. При этом затрагиваются вопросы онтологии, причем выбор их так или иначе определяется содержанием основной части трактата, — это своего рода подготовка к тому, о чем будет сказано в дальнейшем. Духовное рождение и род избранных — вот, на что обращает внимание ученика наставник. Он говорит о духе, полученном им благодаря силе, о зачатии им от источника, текущего к нему, и порождении им духовных «сыновей», «братьев» посвящаемого ученика, о «духовных», как об энергиях, взращивающих души, о «поколениях», об этапах («ступенях») предания. Помимо этого наставник («отец») велит ученику («сыну»), чтобы он помнил о «преуспевании», которое пришло к нему «как мудрость среди поколений». Он требует от ученика общения в молитве с его «братьями», обнадеживает ученика словами, что тот сам сможет учить, если придет к нему «разумение».

Далее, в основной части, характер беседы меняется. Исчезает ее схоластическая окраска. Постепенно стирается и граница между наставником и учеником. Теперь они почти как равные участвуют в беседе иного типа. В ней все более отчетливо проступают черты драматического произведения, где в диалоге раскрываются действия и внутреннее состояние его участников. Их речь приобретает все более взволнованный, восторженный характер. Дважды она прерывается ремарками от третьего лица (52, 25—26 и 59, 23—24).

В построении этой части различимы два до известной степени похожих друг на друга блока с молитвами и мистическими озарениями. Завершает же эту часть благодарение. Но ритмичность композиции не мешает развитию сюжета и не заслоняет то существенное и новое, что содержится в каждом из блоков.

Так, совместную молитву наставника и ученика в первом блоке (55,6 — 57,25) открывает обращение к «Богу невидимому, кому говорят в молчании», с его именем в виде ряда гласных. За этим следуют просьбы, в том числе — о видении Огдоады и Эннеады, о познании Богом духа, который в молящих, о принятии им воссылаемых ему духовных жертв, о спасении того, что есть в молящих, и о даровании им бессмертной мудрости.

Молитву сменяет призыв наставника облобызать друг друга, затем следуют его слова о ниспосланном видении. Относительно этого места (впрочем, как и некоторых других) надо заметить, что исследователи расходятся по поводу того, чьими считать те или иные реплики, когда нет прямого указания на то, кто именно говорит. Судя по содержанию, представляется все же более вероятным, что весь фрагмент 57,26 — 58,22 заключает в себе речь наставника. В состоянии экстаза он восклицает: «Я вижу самого себя!», ему открыта вся Огдоада и души в ней, и ангелы, — они поют гимн в молчании. Это — откровение, полученное посредством видения.

Второй блок начинается молитвой, возносимой учеником его наставнику, Гермесу божественному, который ныне тождественен Уму. Молчание в себе, к чему неоднократно призывает Гермес, достигнуто учеником. Он получает откровение — видение в Гермесе, созерцает Огдоаду и души в ней, и ангелов, поющих гимн Эннеаде, а также того, кто создал тех, что в духе. За этим следует благодарение, обращенное к Господу, причем ученик, воспевая ему хвалебный гимн, вторично произносит его имя, но в форме несколько иной, чем прежде (другого ряда гласных).

Основную часть сменяет эпилог. В нем содержится распоряжение Гермеса ученику написать для храма в Диосполисе книгу, именуемую «Огдоада открывает Эннеаду». Иероглифические знаки, которыми она должна быть написана, будут вырезаны на стеле бирюзового цвета, положенной в святилище Гермеса. Определяются также стражи при ней справа и слева — с ликом лягушки и с ликом кошки, а также намечена астрономическая ситуация, когда это может быть выполнено.

Наконец, Гермес говорит о тех, кому и как положено читать эту книгу. Он заключает свое наставление формулой заклęcia против тех, кто осмелится использовать ее с дурными намерениями.

Неоднократные упоминания об Огдоаде и Эннеаде, о введении в них, их созерцании, их даре обнаруживают некий стержень в построении текста. Своеобразное единство придает ему и то, что он написан как духовный опыт посвящения в тайну дивинизации. Отсюда — угол

зрения на то, о чем говорится, эмоциональная приподнятость тона, взволнованность, очень личная окраска речи участников посвящения. Отсюда — и немногословие или молчание о ряде обстоятельств, касающихся, так сказать, внешней стороны посвящений. Так, только из призыва наставника (57,26) мы узнаем о ритуальном поцелуе. Не больше сказано о жертвоприношении, хотя «духовные жертвы» и названы в молитве, возносимой Богу (57,19). Однако, хотя слова «порядок предания» (52,7), «ступень» (52,13; 54,28; 63,9) встречаются немногим чаще, но о чем, как не о «предании», то есть введении по этапам в тайну дивинизации, говорится в тексте? Этот последний пример указывает на то, что не стоит перегибать палку. Действительно, о многом сказано как о переживаемом, глубоко личном, не с позиции стороннего наблюдателя. Но из этого следует, что уже наша задача — извлечь из текста максимум сведений по поводу того, о чем в нем прямо не говорится или сказано очень бегло.

Разумеется, многое в нем имеет отношение к проблеме человека. Это очевидно, под каким бы углом зрения текст ни рассматривать: египтологизмов ли в нем, или степени близости его к иным герметическим текстам (прежде всего, I и XIII трактатам Герметического корпуса), или параллелей ему в собственно гностических документах, или его отношения к философской и религиозной литературе поздней античности. Перечень можно было бы продолжить. Вспоминается крылатая фраза проф. Ж. Киспеля: «При конечном анализе гнозис есть антропология: человек стоит в центре гностических интересов»⁴. К теме человека тяготеет и порождение «духовных» («сыновей», «поколений»), и их формирование, и порядок предания, его ступени, и молитвы, обращенные к Богу невидимому, сопровождаемые произнесением его имени и просьбами о созерцании Огдоады и Эннеады, о спасении того, что есть в молящих, о даре мудрости, и мистические озарения, и произносимые в молчании восхваления и благодарственные гимны.

Но есть один момент в картине посвящения в тайну дивинизации, на котором хотелось бы задержать внимание. Это вопрос о самопознании. Он прочитывается в восторженном возгласе, дважды исторгаемом из уст достигших состояния экстаза при посвящении в тайну: «Я вижу самого себя!» (58,8 и 60,32–61,1). В первый раз можно полагать, что он исходит от наставника, созерцающего «бездны неизреченные <...> начало силы, которая надо всеми силами, которая не имеет начала», а во второй — от ученика, возносящего хвалу Господу: «<...> мой ум желает петь гимн тебе повседневно. Я есмь инструмент твоего духа. Ум — твой плектр. А твой совет играет на мне. Я вижу себя! Я получил силу от тебя. Ибо твоя любовь охватила нас».

О самопознании говорится и в других герметических текстах. Так, в «Поймандре» сказано о том, «кто познал самого себя» (ὁ ἀναγνωρίσας ἑαυτὸν) (СН. I, 19), и дальше приводятся «слова Бога»: «Пусть человек,

имеющий ум, познает самого себя» (ὁ ἔννοους ἄνθρωπος ἀναγνωρισάτω ἑαυτὸν) (СН. I, 21).

В коптских гностических текстах тема самопознания одна из основных. В «Аллогене», гностическом тексте из собрания рукописей из Наг-Хаммади, слова о самопознании, ведущем к единению божественного начала в себе и во-вне, принадлежат персонажу, получившему откровение от сущности высшего мира о его тайнах. Вот эти слова: «И я вернулся к себе самому и я увидел свет, окружающий меня, и благо, которое во мне, и я стал божественным» (NH.XIII. 52, 9–13). Тема самопознания (самоузнавания) в самых разных ее преломлениях представлена в другом гностическом памятнике — «Апокрифе Иоанна». Тут, в частности, актом самопознания единого, его самооткровения положено начало множеству, созданию мира высшего⁵.

Говоря о свидетельствах обращения к теме самопознания, нельзя упускать из виду, в какую систему представлений она вписана в том или другом тексте. Так, в гностических текстах, когда речь идет о человеке, его самопознание связывается с обретением им знания о его изначальной причастности божественному началу. Миф об искре света в человеке, возвращающейся с его самопознанием к своему источнику, стоит за этим.

Что же касается такого герметического текста, как «Огдоада и Эннеада», то из введения следует, что в человеке только с мистическим рождением в нем «духовного» открывается возможность быть посвященным в тайну дивинизации, которая венчается его самоузнаванием в божественности. Однако в конце документа говорится, что и «тот, кто не будет рожден сначала Богом», при условии, если ведет благочестивую жизнь, «сообразно ступеням продвигается и вступает на путь бессмертия. И таким способом он вступает в разумение Огдоады, которая открывает Эннеаду». Здесь нет следов гностического мифа об искре, как и атмосферы мистической таинственности.

Заключая краткий очерк, рассчитанный на то, чтобы хотя бы немного облегчить читателю знакомство с произведением, перевод которого следует ниже (Приложение I), надеюсь на продолжение — уже другими — изучения его.

В Приложении II дан перевод текста, следующего в рукописи за текстом «Огдоады и Эннеады» (63,33–65,7) и отделенного от первого орнаментальной чертой. Молитва, которая есть в этом тексте, стала основанием для гипотезы, что он завершал «Огдоаду и Эннеаду»⁶. Представляется, что против этого говорит не только ее обособленное положение. Настораживает и другое. Во-первых, в композиции «Огдоады и Эннеады» есть цельность, препятствующая любому дополнению. Во вторых, молитва включена в повествование, следов которого нет в «Огдоаде и Эннеаде», есть только две ремарки, необходимые для понимания диалога. Здесь же — графически выделенная первая фраза: «Это молит-

ва, которую они сказали» (63,33), далее идут слова молитвы, а затем, хотя и краткое, но весьма содержательное повествование от третьего лица относительно ритуальной практики молившихся: «Когда они произнесли это, молясь, они облобызали друг друга и пошли, чтобы вкусить их пищу чистую, в которой нет крови» (65,3–7). И снова орнаментальная черта. И, наконец, третья. Представляется, что молитвы в «Огдоаде и Эннеаде» теснее связаны с содержанием произведения (например, 56, 22–28), чем та, которая переписана в следующем за ним тексте. Не настаивая на весомости этих доводов, полагаю все же небесполезным обсуждение этого вопроса.

Перевод «Огдоады и Эннеады» и Молитвы благодарения выполнен на основе первого издания коптских текстов М. Краузе и П. Лабиба (KL), с учетом других изданий.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ PGM. Т. 1, р. 58–59.
- ² *Mahé J.-P. Hermès en Haute-Égypte. T I. Québec. 1978.*
- ³ Ср. начало XIII трактата Герметического корпуса (СН. XIII.1).
- ⁴ *Quispel J. Gnosis als Weltreligion. Zürich, 1952. S. 29.*
- ⁵ Подробнее об этом см. Трофимова М. К. Из истории ключевой темы гностицистских текстов / Палеобалканистика и античность / М.: «Наука», 1989. С. 177 и слл.
- ⁶ См. ННЕ Р. 137–141.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ННС = Nag Hammadi codex

НН = Corpus hermeticum

PGM = Papyri graecae magicae

KL = M. Krause-P. Labib, Gnostische und hermetische Schriften aus Codex II und Codex VI. Glückstadt. 1971

ННЕ = Mahé J.-P. Hermès en Haute-Égypte. T. I. Québec. 1978

NHL = The Nag Hammadi Library in English. Leiden. 1984

ЗНАКИ В ТЕКСТЕ

() Круглые скобки обозначают дополнение для ясности, необходимое в русском тексте.

[] Квадратные скобки обозначают восстановленное в коптском тексте.

< > Ломанные скобки обозначают добавленное или исправленное в коптском тексте.

ПРИЛОЖЕНИЕ I
Огдоада и Эннеада
(NH VI.6.52.1-63.32)

(52) [...] «[О мой отец], ты обещал мне вчера, что [введешь] мой ум в Огдоаду, и после этого введешь меня в Эннеаду. Ты сказал: ‘Таков порядок (τάξις) предания (παραδόσις)’.»

«О мой сын, именно (μέν) таков порядок (τάξις). Обещание же (δέ) было (сделано) согласно (κατά) человеческой природе. Действительно (γάρ), я сказал тебе, когда начал (ἄρχεσθαι) обещание; я сказал: ‘Если ты вспоминаешь¹ каждую ступень (βαθμός)’. Когда я получил дух (πνεῦμα) благодаря силе (δύναμις), я вложил в тебя энергию (ἐνέργεια)². В самом деле (μέν), разумение (νόησις) есть в тебе, во мне — как будто (ὥς) сила (δύναμις) была чреватой. Ибо (γάρ) когда я зачал от источника (πηγή), который течет ко мне, я породил.»

«О мой отец, каждое слово — ты сказал мне его прекрасно (καλῶς). Но (δέ) я изумлен (θαῦμα) этим словом, которое ты теперь сказал. Ведь (γάρ) ты сказал: ‘Сила (δύναμις), которая во мне’.»

Он ответил: «Я породил ее, как порождались эти сыновья.»

«Стало быть (ἄρα), о мой Отец, у меня много братьев, если я буду причислен к поколениям.»

«Прекрасно (καλῶς), о мой сын! Это благо (ἀγαθόν) причисляется чрез [...] (53) [...] и [...] во всякое время. Вот поэтому, о мой сын, тебе необходимо (ἀνάγκη), чтобы ты знал своих братьев и почтил их прекрасно (καλῶς) и подобающе, так как (ὥς) они произошли от того же самого отца. Ибо (γάρ) каждое поколение, — я назвал (προσφωνεῖν) его, я дал ему имя, так как (ὥς) они порождение как эти сыновья.»

«О мой отец, разве (ἄρα) есть у них день³?»

«О мой сын, они духовные (πνευματικόν). Ибо (γάρ) они существуют как энергии (ἐνέργεια), которые возвращают (αὐξάνειν) другие души (ψυχή). Поэтому я говорю, что они бессмертные.»

«Твое слово — истина, отныне нет возражения (ἀντιλογία). О мой отец, начни (ἄρχεσθαι) речь об Огдоаде и Эннеаде, и причисли также меня к моим братьям.»

«Помолимся, о мой сын, отцу Всего, вместе с твоими братьями, которые мои сыновья, дабы он дал дух (πνεῦμα) дара речи.»

«Как молятся, о мой отец, когда соединяются с поколениями⁴? Я хочу, о мой отец, повиноваться (πείθεσθαι).»

«[...] (54) [...] Однако [...] ни закон (νόμος). Но (ἄλλα) он поко[ен...] И это поистине [для тебя], чтобы ты вспомнил преуспяние (προχλή), пришедшее к тебе как мудрость среди поколений. О мой сын, сравни себя в раннем возрасте (ἡλικία). Словно малые (дети), ты задавал вопросы (πρόβλημα) бессмысленные, неразумные (ἀνόητος).»

му (μορφή) образа (εἰκόν), который без недостатка, и прими отражение (τύπος) плеромы (πλήρωμα) от нас чрез наше восхваление. И познай дух (πνεῦμα), который в нас. Ибо (γάρ) от тебя Все получило душу (ψυχή). Ибо (γάρ) от тебя, нерожденный (ἀγέννητος), рожденный (γεννητόν) произошел. Рождение саморожденного (αὐτογέννητος) было чрез тебя, рождение всех рожденных (γεννητόν), которые существуют. Прими от нас духовные (λογική) жертвы (θυσία)⁷, которые мы воссылаем тебе от всего нашего сердца и всей нашей души (ψυχή) и всей нашей силы. Спаси то, что есть в нас, и дай нам мудрость (σοφία) бессмертную.»

«О мой сын, облобызаем (ἀπολάξεσθαι) друг друга с любовью! Возрадуемся этому! Ибо (γάρ) уже (ἤδη) грядет к нам от них сила (δύναμις), которая есть свет. Ибо (γάρ) я вижу! Я вижу бездны (βάθος) неизреченные! Как скажу я тебе, (58) о мой сын? [...] от [...] мест. Как [скажу я обо] Всем? Я [есмы ум и] я вижу другой ум (νοῦς), тот, что движет душу (ψυχή)! Я вижу того, который движет меня из чистого забвения. Дай мне силу! Я вижу самого себя! Я хочу говорить! Страх (φόβος) охватывает (κατέχειν) меня. Я нашел начало (ἀρχή) силы (δύναμις), которая надо всеми силами (δύναμις), которая не имеет начала (ἀρχή). Я вижу источник (πηγή), кипящий жизнью. Я сказал, о мой сын, что я есмь Ум (νοῦς). Я прозрел! Слово не может открыть это. Ибо (γάρ) вся Огдоада (ὀγδοάς), о мой сын, и души (ψυχή), которые в ней, и ангелы (ἄγγελος) поют гимн (ὑμνεῖν) в молчании. Я же (δέ), Ум (νοῦς), я разумею (νοεῖν).»

«Каков способ, которым <они> поют гимн (ὑμνεῖν)?»

«Ты стал таким, что невозможно будет говорить тебе.»

«Я молчу, о мой отец. Я хочу петь гимн (ὑμνεῖν) тебе молча.»

«Так пой его, ибо (γάρ) я есмь Ум.»

«Я разумею (νοεῖν) Ум, Гермес, который не может быть разъяснен (ἐρμηνεύειν), хранимый в себе самом. И (δέ) я радуюсь, о мой отец, видя тебя улыбающимся. И (δέ) Все (59) радуется. Поэтому никакое творение (κτίσις) не испытает недостатка в твоей жизни. Ибо (γάρ) ты господин граждан (πολίτης) во всяком месте. Твое провидение (πρόνοια) предохраняет. Я зываю к тебе, отец, эон (αἰών) эонов (αἰών). Дух (πνεῦμα) божественен (θεῖον). И в духе (πνεῦμα) он дает дождь на каждого. Что ты говоришь мне, о мой отец, Гермес?»

«Об этом я ничего не говорю, о мой сын. Ибо (γάρ), справедливо (δίκαιον) для Бога, чтобы мы молчали о том, что сокрыто.»

«О Трисмегист (τριμεγιστος), не дай моей душе (ψυχή) быть лишеной (χήρα) видения (θεωρία), которое божественно (θεῖον). Ибо (γάρ) для тебя все возможно как для наставника вселенной.»

«Обратись к восхвалению, о мой сын, и пой молча. Проси (αἰτεῖν), что хочешь, в молчании.»

Когда он закончил, восхваляя, он вскричал: «Отец Трисмегист (τριμεγιστος)! Что я скажу? Мы получили этот свет. И я, — я вижу это

под плиты (πλάξ) бирюзового цвета (καλλάινος) и напиши имя на плите (πλάξ) камня сапфирового цвета (σαλφείρινος) иероглифическими знаками. О мой сын, ты поставишь этот (камень), когда я буду в Деве (παρθένος) и солнце в первой половине дня, пятнадцать градусов (μοῖρα) мною пройдено (παράγειν).»

«О мой отец, все, что ты говоришь, я сделаю с готовностью.»

«Напиши же (δέ) клятву на книге, дабы те, кто будет читать книгу, не (μήπως) пользовались именованием (ὄνομασία) в злодеянии (κακουργία) и не (οὐτε) противились деяниям судьбы (εἰμαρμένη). Напротив, они должны следовать (στοιχεῖν) закону (νόμος) Бога, не преступая (παραβαίνειν) во всем, но (ἀλλά) в чистоте прося (ἀιτεῖν) у Бога мудрости (σοφία) и знания (γνώσις). И тот, кто (63) не будет рожден сначала Богом, он становится посредством общих (γενικός) и путеводных (ἐξοδικός) речей. Он не сможет прочесть то, что написано в этой книге, хотя его совесть (συνείδησις) чиста в том, что его касается, потому что он не делает ничего постыдного и не соглашается (συνευδοχεῖν) с ним. Но (ἀλλά) сообразно (κατά) ступеням (βαθμός), он продвигается и вступает на путь бессмертия. И таким способом он вступает в разумение (νόησις) Огдоады (ὀγδοάς), которая открывает Эннеаду (ἐννεάς).»

«Так я сделаю это, о мой отец. »

«Это есть клятва. Я заклинаю того, кто прочесть эту священную книгу, небом и землей, и огнем, и водой, и семью правителями сущности (ουσιάρχης), и творящим духом (πνεῦμα) в них, и Богом <нерожденным> (γεννητός), и саморожденным (αὐτογενής), и тем, кто был рожден, дабы он соблюдал (τηρεῖν) то (мн. ч.), что сказал Гермес. Те же (δέ), кто соблюдает (τηρεῖν) клятву, — Бог примирится с ними, как и каждый, кого мы поименовали (ἡνομάζειν). А (δέ) те, кто преступит (παραβαίνειν) клятву, — гнев (ὀργή) каждого низойдет на него. Это есть совершенный (τέλειος), который существует¹³, о мой сын.»

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Молитва благодарения

(NH VI.7.63.33 — 65.7)

(63) Это молитва, которую они сказали.

«Мы благодарим Тебя! Каждая душа (ψυχή) и (каждое) сердце простерто к Тебе, о Имя, нетревожимое (ἐντοχλεῖν), (64) почитаемое в именовании (ὄνομασία) Бога и благословляемое в именовании (ὄνομασία) Отца. Ибо к каждому и ко Всему (направляется) милость (εὔνοια) Отца и любовь и воля и всякое учение сладкое, верное (ἀπλοῦς), даруя (χαρίζειν) нам ум (νοῦς), слово (λόγος) и знание (γνώσις): ум (νοῦς), дабы мы могли разуместь (νοεῖν) Тебя, слово (λόγος), дабы мы могли разъяснить (ἐρμηνεῦειν) Тебя, а знание (γνώσις), дабы

мы могли познать Тебя. Мы радуемся, что были просвещены твоим знанием (γνώσις). Мы радуемся, потому что Ты научил нас о Тебе. Мы радуемся, потому что, тогда как мы в теле (σώμα), Ты сделал нас богами в твоём знании (γνώσις). Благодарение человека, которое устремлено к Тебе, есть единственное, дабы мы познали Тебя. Мы познали Тебя, о свет умопостигаемый (νοητός). О жизнь жизни, мы познали Тебя. О материнское лоно (μήτρα) каждого семени, мы познали Тебя. О материнское лоно (μήτρα), чреватое природой (φύσις) Отца, мы познали Тебя. О вечное постоянство Отца порождающего, так мы поклонились твоему Благу (ἀγαθόν). Единственное желание, о чем мы просим (αἰτεῖν), мы желаем быть сохраненными (τηρεῖν) в знании (γνώσις). Одно же сохранение есть то, (65) чего мы желаем, дабы не оступиться нам в этого рода жизни (βίος).»

Когда они сказали это, молясь, они облобызали (ἀσπάξεν) друг друга и пошли, чтобы вкусить их пищу чистую, в которой нет крови.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср. СН, XIII, 2.

² Ср. СН, XIII, 11.

³ В копт.: ἀρχὴ τοῦ πατρὸς οὐκ ἴτα ἔσται ἡμεῖς. Место неясное, что привело к разным попыткам его понимания. Так, в первом издании текста (KL, S. 171–172): «O mein Vater, haben auch sie?». Иначе ННЕ, t. I, p. 67: «O mon Père, ont-ils, eux-aussi, le(ur)s mères (ἡμεῖς)?». В NHL, P. 293: «Then, O my father, do they have (a) day (ἔσται)?». Последний вариант представляется наиболее вероятным: написание ἔσται в значении 'день' зафиксировано в ахм. рук. Ge 2.3 (Crum P. 730 a).

⁴ ἐκγονοῦ. Копт. χωνε (см. Crum, P. 770 b) имеет два значения: 'поколение' и 'книга'. В некоторых случаях контекст подсказывает единственно возможный смысл слова. В других же случаях этого нет, что влечет за собой существенно отличающиеся друг от друга варианты перевода.

⁵ Ср. СН, X, 6.

⁶ Ср. Plato. Convivium. 210 b.

⁷ ἡ πνευματικὴ θυσία. Ср. KL, S. 176: die geistigen Opfer, NHL, P. 294: spiritual sacrifices, ННЕ, t. I, p. 75: les sacrifices en paroles.

⁸ ἡ οὐκ ἴτα προεῖπεν. Другое понимание этого выражения представлено в ННЕ, t. I, p. 81, 120.

⁹ Ср. СН, I, 22.

¹⁰ εἰς σοφίαν. Допустим иной перевод: «тебе».

¹¹ πατρὸς. Исправлено на πατρὸς. KL, S. 181; ННЕ, t. I, p. 82, 125; NHL, P. 296.

¹² πατρὸς. Исправлено на πατρὸς.

¹³ Возможные гипотезы по поводу смысла сказанного см. ННЕ, t. I, p. 87, 134.